БУДЕТ РЕКОРД

Рисунок И. СМИРНОВА

КРОКОДИЛ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА Индекс 70448 Цена номера 15 коп.

КРОКОДИЛ

ЖЕРТВА МОДЫ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

— Вот, говорят, бездельник, а смотри — каждый день новая заплата.

№ 29 ОКТЯБРЬ 1976

Святослав СПАССКИЙ

Окуни на берегу

Жизненные коллизии всячески влияют на человека, по-своему перевязывают узелки на линии его характера. Единожды напуганный вздорной шавкой еще в мухо-цокотухном возрасте, человек до старости бережется песьих клыков. Есть которые не переносят меда, потому что некогда объелись им до пресыщения. Нелюбовь к рыбе может возникнуть разнопричинно: один когда-то подавился окуневой костью, у другого квартира расположена в аккурат над фирменным рыбным магазином, где полуночный грохот бочкотары множится на устойчивый сельдяной аромат. У третьего просто вызывает брезгливость эта скользкая безногая тварь, которая вечно молчит да и дышит к тому же не как все.

Рыбоненавистник обычно селится подальше от водных просторов, поближе к земле, и радуется удаче, когда вдруг назначают его директором совхоза, ибо стихия земная являет собой противоположность стихии водной. Мирно трудится он в пределах своих угодий, пока случайно не обнаружит в этих же пределах озеро или реку, где — успела-таки развестись!— вовсю бултыхается та самая, мерзкая и безногая, с чешуей вместо шерсти. Ну, так погоди же, дай только рыбинспектор за угол завернет...

Существует много действенных способов борьбы с рыбой. Один из популярнейших — распашка земель вплоть до воды. Здесь в комплексе и разрушение берегов, и заиливание водоема, и смыв в него ядохимикатов. Правда, тут рыба гибнет постепенно, не веселя глаз белобрюхим обилием на водном зеркале. Радостней спускать в воду навозную жижу из-под свиней — это дает желаемый эффект. Таким методом охотно пользуется Н. Д. Тиганов, директор совхоза имени Х-летия Октября Щелковского района Московской области. Глядишь, и околела дрянь молчаливая в Воре-реке и притоках — сразу дышать легче, осталась чутошная часть работы: посопротивляться рыбинспекции, понеподписать предъявляемые акты, пообжаловать наложенные штрафы в суде.

Сосед и коллега Тиганова, директор совхоза «Восток» А. П. Балов действует поиному: рушит плотину пруда, спускает воду. Дохнет рыба, а заодно и ондатра — ну, да шут с ней, с ондатрой, тоже погань порядочная, что хороша только в виде треуха. Потом знакомая процедура. Ну, иск. Ну, суд. Ну, решение горсовета. Ну, указание восстановить плотину и зарыбить пруд к весне 1976 года. Тут и конец мытарствам. Потому что и опята в лесу уже кончились, и бумага с грозным указанием пожелтела, а рыбы нет как нет. Чего и хотелось.

Руководителей хозяйств и предприятий надо бы заранее направлять к отоларингологу, чтобы определил профессиональным взглядом: не застряла ли у товарища рыбья кость поперек горла? Ведь только устойчивой ненавистью к рыбе можно объяснить такие грустные факты, как, например, ее уничтожение в Каме, возле впадающей в нее речки Усолки. И не только в четверг, рыбный день, а во все дни недели шло лукуллово торжество крикливых чаек и ворон над заливными прикамскими лугами. Это Соликамский целлюлозно-бумажный комбинат спустил отходы в реку во время нереста.

Прислал в «Крокодил» письмо анонимный автор из Тулы, поругал редакцию за консерватизм и безынициативность: сколько можно рисовать трубы со стекающими в реку черными водопадами — не надоело? Приложен скрупулезный подсчет: только за этот год опубликовал журнал девять таких карикатур. Точно. А на этой странице — десятая. Но не последняя. И для разнообразия, в угоду придире-анониму, печатаем снимок читателя С. В. Карпунина из с. Ново-Покровка, Сергеевского р-на, Северо-Казахстанской области:

Это берег озера Малый Тарангул. Тут совхозное начальство, предпочитающее мясо-молочный и овощной стол, сводило счеты с рыбой тем же способом распашки берегов.

Цитата из письма С. В. Карпунина:

«Озеро, лишенное притоков, заросшее травой, сейчас напоминает огромную лужу. Весь берег усеян мелкими окунями, а ближе к воде лежат выброшенные волнами десятикилограммовые зеркальные карпы...»

Заводы и совхозы с их ведомственным безразличием еще понять можно, хотя и нельзя оправдать. Но что руководит действиями рыбацких хозяйств: тупость ли, жестокость ли, хулиганство? В период нереста закрываются сетями все выходы из озера Ашо, Пустошкинского района, Псковской области. Ячеи сетей противозаконно малы, уцепляют и щуренка и подлещика. Но сурово борется Гослов со своими же рыбаками, не принимает у них подлещика. Обидно рыбаку. С горя вынужден он менять недомерков на спиртное у местного населения. Тяжка рыбацкая доля.

Ударьте веслами, поплывем позападней. А что в Лубанском озере Мадонского района Латвии? А ничего нового. Те же мини-ячейки в сетях, тот же облов неположенных мест в незаконное время, то же зевотное равнодушие Балтрыбвода.

Ну так, может, пора перестать штрафовать, судить, писать акты на ответственных рыбогубителей? Что поделаешь, коли не лежит у них душа к рыбе! Не лучше ли предоставить им работу по сердцу? Скажем, такое полезное дело, как уничтожение тараканов. Таракан, он внешне, если вглядеться, та же рыбка. Только сухопутная, на лапках.

Да вряд ли это поможет...

— А где речка, в которую мы будем отходы сбрасывать?

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

«Точно считать и эффективно использовать каждый рубль, каждый час труда, каждую тонну продукции, до конца изжить бесхозяйственность и разгильдяйство — это наш высокий партийный долг».

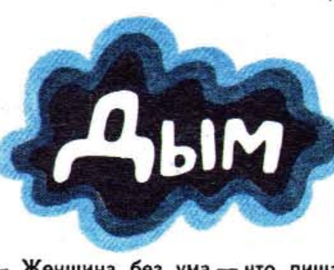
Из материалов XXV съезда КПСС.

Неповторим воздух Кустаная! В нем нет пошлого запаха роз и всякой там резеды. Целинная степь дышит на город запахом полыни, к которому примешивается временами такой удручающий аромат, что хоть нос затыкай. Стою я, значит, где-то на окраине Кустаная и вовсю вдыхаю этот бесплатный коктейль.

— Ойпрым-ай! — восклицает прохожий, степенный казах без малахая.— Сегодня вроде сильнее пахнет, чувствуете?

— Чувствую, — соглашаюсь я.— Не зря ведь поется в песне: «А степная трава пахнет горечью...»

Майя ИГНАТЕНКО, специальный корреспондент Крокодила

от сандалет

— Женщина без ума — что пища без соли,— туманно выражается старик.— Какая песня?! Какая трава?! Это обувная фабрика работает!

— Обувная фабрика? Где?

— А вон дымок вьется!

Обувное производство — это не дымящий и коптящий асфальто-битумный завод, не цех, в котором варят столярный клей, и даже не салотопка. Где это видано, чтобы обувщики отравляли атмосферу, заинтригованно рассуждаю я и спешу туда, откуда поднимается ввысь столб едкого дыма. Иду, иду и прихожу... на... Что это? Поле, усеянное кучами мусора, ломаными стульями, пустыми консервными банками. А по середине его куча чего-то непотребного, изрыгающая едкий дым. К куче подъезжают автобусы, дюжие грузчики вытаскивают из них огромные мешки и высыпают их содержимое в ту же дымящуюся кучу. Затем обливают бензином и чиркают спичку.

А при чем же здесь обувная фабрика? Ларчик открылся просто: на свалке жгли детские сандалеты. Я села в разгруженный автобус и поехала на саму фабрику.

— Что это за обувь, почему и за что ее сжигают? — спрашиваю главного инженера Д. Л. Шевцова.

— А куда ее девать? — удивленно посмотрел на меня главный инженер.— Никто ее не покупает. Нет на нее этого самого, спроса...

А ведь эту самую детскую туфельку разработали модельеры. Ее одобрил худсовет. Ее отправляли на утверждение в столицу республики. Может быть, даже в Москву. Она красовалась на полированном столе министерского руководителя, и ответственная рука ласково коснулась ее ремешочка. Ей аплодировали, дали «добро», путевку в жизнь. А покупатель взял да и не захотел ее покупать.

— Неужто это единственный выход — сжечь? — спрашиваю я.

— Поверьте мне как специалисту, что да.

— Наши склады были забиты этой уцененной обувью,— вступила в разговор директор фабрики Ф. Г. Солодова,— и тогда мы стали просить республиканское Министерство легкой промышленности, чтобы нам помогли «очиститься».

И объединение «Казкожобувьпром» не осталось глухо к мольбам дочерней фирмы. Оно обратилось с ходатайством в Совет Министров КазССР о дополнительной уценке. В феврале 1975 года такое разрешение «в виде исключения» было дано. Но все бесполезно: уцененную-переуцененную обувь никто не брал.

Через несколько месяцев Солодова снова обратилась в «Казкожобувьпром»: ну ее к аллаху, эту обувь, спишите ее совсем — на затраты производства. В конце прошлого года в Алма-Ате собралась комиссия во главе с и. о. начальника объединения Л. А. Гершензоном. Она решает: просить Министерство легкой промышленности республики уважить эту просьбу. Спустя месяц Гершензон сообщил на фабрику радостную весть: зам. министра легкой промышленности КазССР разрешил вам «очиститься»!

И тогда-то на обувном производстве было создано производство по уничтожению собственной продукции, даже разработан особый ритуал. Сандалеты подбирают по парам, засовывают в мешки и грузят в автобусы. На мешки усаживаются члены комиссии, и процессия двигается на свалку. Там содержимое мешков вываливают в огромную кучу, поливают бензином и чиркают спичку. Зарево освещает скорбные лица. И кто-то один, сделав шаг вперед, начинает читать срывающимся голосом:

«Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что в присутствии вышеуказанной комиссии были сожжены заготовки неходовых моделей...»

Мир праху твоему, неходовая модель!

Я ходила по разным кустанайским организациям и все допытывалась: неужто сандалеты нельзя реализовать? Ведь не только лаковую обувь мы покупаем своим детям. На наших сорванцах за лето сгорает не одна пара обуви. И если в уцененном магазине нам подвернется пара, пусть даже цвета казенных диванов, мы не пожалеем рубля.

— Что вы, что вы! — замахал руками начальник отдела промтоваров облпотребсоюза тов. Науман. — У нас все склады по самую крышу завалены уцененной обувью. Вы думаете, только кустанайские обувщики выпускают брак? На магазин уцененных товаров работают и Джамбулская, и Семипалатинская, и Карагандинская, и даже столичная Алма-Атинская фабрики. В апреле прошлого года у нас скопилось такого товара почти на полтора миллиона рублей. До сих пор пытаемся сбыть туфли на «шпильках», представляете?

И тут меня осеняет: а вторсырье? Коли оно с таким азартом охотится за бумажной и тряпичной макулатурой, так неужто ни на что не годится бесценное кожаное сырье?! Делают же из древесных опилок красивую мебель, тогда в какие же полезные вещи можно превратить и эти сжигаемые сандалеты и те двадцать пять процентов хрома, которые неизбежно теряются при самом рациональном раскрое, и даже саму хромовую пыль!

Но «Вторсырье» развело руками:

— Нету такого распоряжения, чтобы кожу принимать. Вот банки-склянки, тряпки-бумажки — это пожалуйста, это возьмем.

Итак, уцененную обувь невозможно продать. Нельзя и переработать. Не годится она даже на то, чтобы топить ею котлы и вращать турбины. Остается одно: отвозить на свалку.

Вечером я стояла на балконе своего гостиничного номера. Ветер доносил полынный запах степи, к которому временами примешивался едкий, удушливый аромат.

Кустанайская обувная фабрика работала.

Казахская ССР.

— ! . . . .

— *Ты на меня камень за пазухой не держишь?*
— *Что ты! Это бутылка...*

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Андрей КАРАСЕВ, Сергей РЕВЗИН

На берегах одной реки —
Два города прекрасных,
Уму и сердцу вопреки
По всем статьям контрастных.
Вот первый город перед нами.
Здесь странно все — судите сами.
Вы видите, глазам не веря,
Во всех домах стальные двери,
Стальные стулья, табуреты...
Полы блестят стальным паркетом.
Ведет уборку женский пол,
Посыпав медной стружкой пол.
В кафе, кино, концертном зале
Все из железа, меди, стали.
Гитара, контрабас, рояль —
Что ни деталь — дюраль и сталь.
Металл везде — от школьной парты
До «городков» и до бильярда.
(Играть не очень-то с руки,
Когда в руке чугунный кий!)
Под письменным столом корзинка —
Не из чего-нибудь — из цинка.
В парилке вы на полку влезьте —
Не усидеть, она из жести.
И даже в пригороде хата
От стен до крыши из проката.
Куда ни глянь, куда ни плюнь —
Везде железо, сталь, латунь!
Тот город специфический,
Весь цельнометаллический.

...Теперь, читатель дорогой,
Осмотрим город мы другой.
Но, чур, движенью не мешай,
Пожалуйста, не смейся:
Фанерный тащится трамвай
По деревянным рельсам.
Повсюду груша, дуб, самшит...
Водопровод из досок сшит,
Вокруг полно диковин:
Сберкасса — из древесных плит,
Сейф, как изба, из бревен.
На утюги сгодился клен,
Сосна — на синхрофазотрон.
А швейные иголки
Срывают прямо с елки.

Весьма своеобразно тут
Дома высотные растут:
Каркасы деревянные
Качаются, как пьяные.
Корою крыты балки,
А крыши берестой...
Не город, елки-палки,
А просто лес густой!

На берегах одной реки —
Два города прекрасных,
Уму и сердцу вопреки
По всем статьям контрастных.
Там справедливо жители
Честят руководителей.

А выход есть. Он очень прост:
Постройте через речку мост!
Другой бы век для вас настал
И сберегли бы нервы вы,
И шел бы в Древогорск металл,
В Металлогорск шло дерево.

...На свете нет такой реки
И городов несчастных,
Уму и сердцу вопреки
Абсурдных и контрастных.
Однако просим нам поверить
И помнить: мест не перечесть,
Где пусть в какой-то меньшей мере,
А все же местничество есть!

«Эту изображенную на фото зеленую продукцию собирают на полях второго отделения совхоза «Петропавловский», грузят в самосвалы и везут в лес, где и сбрасывают»

(Из письма шофера автоколонны № 2559 А. Кротенко, Северо-Казахстанская область)

КОЛОВРАЩЕНИЕ

Так несколько необычно выглядит заключительный этап многонедельной эпопеи по выращиванию огурцов. А предшествовали ему вполне нормальные мероприятия. Совхозные умельцы пахали и сажали в обработанную землю отборные семена. Потом, когда появились всходы, совхозники позвали из города шефов: сорняки выпалывать, междурядья рыхлить, огурцы поливать. На славу потрудились шефы — огурцы выросли пупырчатые, зеленые, вкусные, отличный урожай. А когда шефы помогли и собрать урожай, то вскоре выяснилось, что девать его некуда: в солку пустить — хлопот не оберешься, на продажу отправить — железная дорога не берет.

Такой метод выращивания сельхозпродукции не нов и давно уж получил в народе меткое имя — коловращение. Однако будем объективны и не станем валить все на сельское хозяйство. Знаком пресловутый метод и в индустриальной сфере.

Вот какую картину наблюдал фельетонист нынешним летом, отправившись в пригородной электричке с Казанского вокзала. С левой ее стороны, если ехать из Москвы, где-то между Люберцами и станцией Панки у самой обочины шоссе ранней весной стали строить домик. Ну не домик, так производственное помещение десять на десять. Споро строили: кирпичик по кирпичику, балочка по балочке. И построили. А теперь вот по осени опять здесь появились строители: крышу домика сбросили, балочки раскидали и стены стали разбирать кирпичик по кирпичику. Ну, и разобрали, конечно, вплоть до основания, завершив таким образом полный цикл, именуемый «строим—ломаем».

Домик десять на десять — такая малость, о которой и говорить бы не стоило. Да ведь строят—ломают здания и побольше! А разве не бывает так: создадут производство, затратят сырье, выпустят продукцию, а потом начинают думать — куда девать ее? И иногда выясняют задним числом, что продукция эта вообще никому не нужна и что выпускать ее, мягко говоря, не имело смысла. Вот что значит поддаться коловращению!

Разумеется, метод этот не так всесилен и всеобъемлющ, как иным хозяйственникам кажется. Он процветает там, где планы высасываются из пальца, контрольные цифры и задания берутся с потолка, а разумное, строгое взвешивание всех «за» и «против» подменяется гаданием на кофейной гуще. И при желании можно, конечно, избежав головотяпства, нормальным образом выращивать урожай, строить, производить ту или иную продукцию. Но ведь для этого нужно думать, раскидывать умом, примеривать, считать, заглядывать чуть-чуть вперед...

Вот почему иных людей так и тянет к легкому и бездумному, словно порхание бабочки, коловращению. Хорошо было бы найти на таких бабочек уловистый сачок!

Фельетонист

Евгений ДУБРОВИН

„Клер-оф-клоксон" кока Коли

Есть у меня приятель шеф-повар столовой № 4. Не то чтобы приятель, а так, знакомый. Можно сказать, шапочный знакомый. Я о нем-то почти ничего и не знаю. Знаю, что зовут его Коля и что он работает в столовой № 4 шеф-поваром, да еще, что он собирает дверные ручки — хобби у него такое.

Вот из-за этих дверных ручек мы с ним и подружились. То есть не то, чтобы подружились, а просто у нас возник взаимный интерес. Как-то зашел я в столовую № 4 пообедать, а в сетке у меня две дверные ручки были — купил взамен вырванных с корнем сыном-шестиклассником. А тут шеф-повар Коля с ведром отходов как раз мимо проходил и прямо-таки затрясся при виде моих дверных ручек.

— Где достал? — спрашивает.— Я за ними два года охочусь.

— А их,— говорю,— рядом выбросили.— Я,— говорю,— между прочим, могу навалом вам разных ручек носить, поскольку по долгу службы езжу взад-вперед по разным городам и весям.

В общем, сошлись мы с ним на почве этих самых ручек. То есть как сошлись? Ношу я ему ручки, а он мне тоже по мелочам услуги оказывает. Допустим, в меню никакого салата из помидоров нет, а он велит изготовить и продать мне персональный салат, где и помидоры, и огурцы, и лук навалом.

Или стол грязными тарелками и объедками завален — приткнуться негде, а он пошлет официантку, и та в два счета приведет стол в порядок.

Конечно, для читателя мои личные отношения с шеф-поваром Колей глубоко безразличны, но я к тому все это рассказываю, что вскоре произошло одно не совсем приятное событие, имеющее уже общественное значение: на моего приятеля Колю пришла жалоба, и я вынужден был зайти к нему уже не просто как обычный посетитель, а как фельетонист.

Шеф-повара Колю обвиняли в увлечении иностранными блюдами, которые на поверку оказывались обыкновенными котлетами, причем с незначительным содержанием мяса. Особенно посетителей возмущало блюдо «Клер-оф-клоксон по-французски» стоимостью 1 рубль 02 копейки. Введенный в заблуждение шикарным названием, посетитель сгоряча выбивал «Клер-оф-клоксон» и получал твердый, как метеорит, предмет, широко известный в других столовых под названием «шницель рубленый».

В жалобе были приведены еще другие недостатки Коли как шеф-повара. Соус, разъедающий алюминиевые вилки. Макароны, которыми можно пользоваться как стеклянными палочками во время химических опытов. Ну и другое, более мелкое.

Редакция снабдила меня еще целым ворохом писем на тему безобразий в других точках общественного питания и поручила написать фельетон. Коллективно даже было придумано название «Клер-оф-клоксон» кока Коли».

Не очень-то приятно писать фельетон про своего, пусть даже шапочного знакомого, но долг есть долг, и я, взяв папку с жалобами трудящихся, поплелся в столовую № 4.

Прочитав «сигнал» про себя, кок Коля удивился:

— А при чем здесь я? Я, наоборот, стараюсь, как для людей лучше. Название придумываю заковыристее? Так это чтобы посетителя в столовую заманить, и чтобы есть ему веселей было. Соус вилки разъедает? А для чего вообще нужны соусы? Ты ел когда-нибудь греческие соусы? Знаешь какие едкие! Мяса в котлетах мало? Так ведь если мяса в котлеты больше класть, это уже тогда не котлеты будут, а бифштексы. Макароны твердые? А ты знаешь, что электростанция ежедневно недодает нам 1086 киловатт электроэнергии? Что я, макароны на своем энтузиазме варить буду? Люди жалуются потому, что не вникли в наши трудности. А если бы вникли, благодарности писали.

Кок Коля возмущенно взмахнул черпаком, которым только что мешал борщ, и по кухне разлетелись ошметки капусты и моркови.

— Избаловали мы народ — вот я вам что скажу! Все им не так, все не этак! Стол посудой завален! Подумаешь — беда! Взял бы, собрал да бросил в раковину. Дел-то всего на две минуты. Дома моет — ничего, а тут жалобную книгу требует. И сидит, негодяй, пыхтит, мучается полчаса. Десять столов за это время мог бы убрать!

Я сидел подавленный напором кока Коли.

— Ну, хорошо,— пробормотал я.— Допустим, что ты не виноват. Столы не убираются — официантка силы экономит. Макароны непроваренные — электростанция ток экономит. Мясо...

— Мясо мы не экономим,— перебил меня кок Коля.— Оно само уваривается. Ты не веришь?

— Верю, верю,— заверил я.— Тогда почему кое-где в других местах тоже всевозможные, достойные удивления фокусы. Разъясни мне, если ты такой умный.

Я достал письмо из папки.

— Вот читатели Егоров и Анохин пишут, что, находясь на отдыхе в Сочи, они захотели полакомиться кавказскими блюдами в шашлычной «Поплавок» от кафе «Театральное» Сочинского треста ресторанов. Час они прождали у входа, час за столиком. После чего друзьям подали едва теплые шашлык и цыпленка. Естественно, после этакого ужина им захотелось на десерт жалобную книгу. Официантка книгу принести отказалась. Друзья добились появления администратора. Администратор... потребовала у посетителей документы. Что ты скажешь об этой истории? Помоги оценить как специалист.

— Егоров и Анохин сами виноваты,— не задумываясь сказал кок Коля.— Зачем они требовали жалобную книгу, отнимали время у занятых людей? Подумаешь, два часа ждали. Что из того? Вон люди, бывает, на вокзалах сутками поезда ждут и помалкивают. Может, у официантов производственное совещание было или еще что-нибудь, а они с жалобной книгой лезут. Правильно сделали, что потребовали у них документы.

— Ну, допустим...— прервал я своего приятеля.— А вот что ты скажешь на это письмо? Рабочие Каиндинского сахарного завода Киргизской ССР жалуются, что в их столовой в окрошку вместо кваса заливают сдобренную уксусом воду. Тоже посетители виноваты?

— Конечно! — воскликнул Коля.— Темные люди! Это же новый вид окрошки! Ее можно назвать «Окрошка водяная на уксусе пищевом, разбавленном». Красиво?

Я снова потянулся к папке.

— А что скажешь ты на это новшество? Читатель Лаврухин, житель г. Белая Калитва, Ростовской области, пишет, что в баре «Каяла» при входе надо купить талон за шестьдесят копеек и затем этот талон уже «отоварить» внутри бара пивом и закуской.

— Здорово! — восхитился кок Коля.— Не надо самому голову ломать. Администрация за тебя решила, сколько тебе выпить, сколько закусить.

— Или вот еще... Читатель Горячев из Севастополя...Обедал в диетической столовой № 19... Здесь кефир жирный и нежирный продается по «средневзвешенной» цене.

— Прекрасная идея!

— Хорошо... А вот хотя бы ресторан «Чиланзар» в г. Ташкенте. Был ресторан как ресторан, но потом по нуждам чисто внутриресторанного характера его переиначили так, что на посетителей повалил из кухни чад, и вообще в раскрытые двери стала видна вся «кухня» кухни.

Кок Коля рассердился.

— Все вам не так! То плохо, это скверно! Не желаете, не ходите к нам. Мы без вас обойдемся, а вот вы без нас — неизвестно.

Повар Коля рассерженно повернулся ко мне спиной и стал шуровать черпаком в котле.

— Обойдемся и мы без вас! — сказал я и ушел домой.

Неделю я крепился, питаясь консервами и яичницей, а потом не выдержал и, стыдясь своего малодушия, пробрался в столовую № 4. Там по-прежнему в меню не было салата, зато подчеркнутый красным карандашом красовался «Клер-оф-клоксон по-французски».

Краснея, я взял «Клер», примостился на краешке заваленного грязной посудой стола и стал вгонять мягкую алюминиевую вилку в железобетонный «оф-клоксон», как вдруг на пороге появился кок Коля. Он без удивления посмотрел на меня.

— Пришел? — спросил повар. В его голосе не было торжества.

— Пришел,— пробормотал я, выпрямляя зубами вилку.

— Наталья! — крикнул мой бывший приятель.

Тотчас появилась пожилая женщина в домашних тапочках и в вытертом банном халате.

— Шопский салат этому человеку и убрать со стола! Но за это ты должен привезти мне из Нижнего Тагила дверную ручку! Понял?

Я покорно кивнул.

— За бочку предложим ему двухкомнатную квартиру с удобствами.

Рисунок И. АНДРОПОВА

Гр. ОВАНЕСЯН

Рецензия

— Ну-с, как дела? — спросил начальник лаборатории старшего научного сотрудника, когда тот по своему обыкновению зашел утром к нему в кабинет.

— Совсем забыл вам сказать — все недосуг,— отвечал старший научный сотрудник.— Видите ли, два месяца назад в журнале «Невесомая промышленность» вышла моя рецензия на вашу книгу.

— Ка-какую мою книгу?! — изумился начальник лаборатории.

— Пока что первую и, надеюсь, не последнюю: «Некоторые теоретические вопросы».

— Да вы с ума сошли! — оборвал начальник лаборатории своего подчиненного.

— Это еще почему? — в свою очередь, изумился подчиненный.

— Да ведь книга-то не вышла, не вышла!

— Да что вы говорите? Да... немного неудобно получилось...— Старший научный сотрудник слегка покраснел, но тут же и нашелся: — Да нет, вы даже не беспокойтесь, никто не заметит!

— Как же это не заметит?! — бушевал начальник лаборатории.— Все уже, наверное, прочитали! Все только об этом и говорят! Какой ужас! Какой позор!

Тут старший научный сотрудник неожиданно успокоился и даже как-то поскучнел.

— А вы прочитали? — спросил он.

— Нет! — сказал начальник лаборатории.

— Ну и никто не читал. Так что никто не заметит,— сказал научный сотрудник.— Послушайте лучше последний анекдотец. Уехал один тип в командировку, а его жена...

Потом они долго хихикали и расстались вполне довольные друг другом.

О рецензии больше никто не вспоминал.

г. Баку.

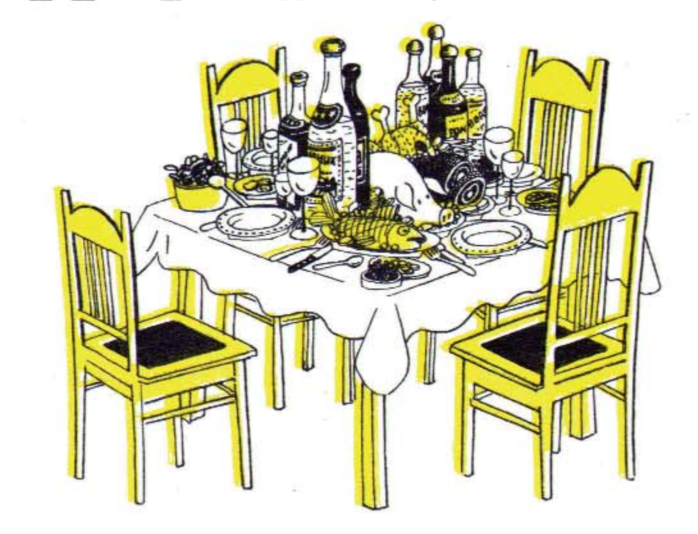
— Обождите! Вот товар примем и начнем отпускать.

Рисунок Г. ИОРША

А. ВЛАШИН

Рассказ

ПРЕМИЯ

В новом цехе нашего завода установили оборудование. Инспектор технадзора Тюрин решил не подписывать акт приемки: много было недоделок и брака.

Только в час он, усталый и проголодавшийся, вышел с механиком из цеха и направился в контору к главному инженеру. Тюрин хотел деловито и кратко сказать о том, что он отказывается подписать акт, но инженер так дружески и приветливо встретил его, что он решил повременить.

— Ну, посмотрели? — добродушно спросил главный инженер.— Ну, слава богу... Мы так старались, так старались!.. Сделано на славу, но форму соблюсти надо. Я бы и не глядя подписал акт... Право... Петр Николаевич, голубчик,— обратился он к механику.— Там я заказал обед, так ты пойди посмотри, чтобы все было в порядке. А мы подпишем и сразу туда... Да не забудь сказать Петровне насчет копченой ветчины...

При упоминании о ветчине голодный Тюрин судорожно глотнул.

Дело в том, что Тюрин из-за ссоры с женой не только не завтракал, но и не ужинал вчера. И когда главный инженер заговорил об обеде, инспектору вдруг показалось, что все недоделки в цеху — пустячное дело.

«Да и не стоит подводить людей,— думал он.— Еще не раз придется встречаться». И Тюрин подписал любезно пододвинутый акт.

Десять минут спустя он сидел в отдельном кабинете заводской столовой в обществе главного инженера, механика и мастера Пискунова. Середина стола была тесно заставлена мясными и рыбными блюдами; сыр, масло и икра покоились в особых сосудах и вазах, а бутылки различной формы и расцветок были собраны в виде двух пирамид. Подносы с фруктами и сладостями завершали ансамбль.

— Приступим,— деловито сказал главный инженер. И каждый в соответствии со своим вкусом и привычками опрокинул в себя стакан цветной или бесцветной жидкости. Затем, в том же соответствии, закусили кто сельдями, кто икрой, кто грибками.

Тюрин пил, ел, закусывал и уже не думал ни о ссоре с женой, ни о подписанном акте.

Механик работал, как машина, уничтожая и опустошая все, что стояло перед ним. Главный инженер не отставал от механика, и только мастер Пискунов скромничал. Он не понимал, почему его пригласили на этот обед. Особых заслуг у него не было и участок его не занимал важного места в общем плане завода. «Вероятно, решили меня повысить,— думал он, запивая портвейном котлеты,— все-таки молодцы! Обратили внимание. Видят, что работаю хорошо, ну и решили продвинуть...» И Пискунов с чувством собственного достоинства то и дело заговаривал с главным инженером на производственные темы.

Обед закончился в четвертом часу. Все были в блаженном настроении и, прощаясь, долго жали друг другу руки. По дороге домой Пискунов мечтал о предстоящем повышении и радостно улыбался. Жене он сказал, что его назначают начальником цеха, и наслаждался ее боязливым изумлением.

На другой день Пискунову позвонили в цех и попросили зайти к главному бухгалтеру.

«Что такое? — подумал он.— Может, перерасход материалов? А может, напутал в заявках...» И он поспешил в контору.

Главный бухгалтер сидел за столом и просматривал счета. Это был человек лет пятидесяти пяти, внушительного вида, с седой шевелюрой. Он строго посмотрел на Пискунова поверх очков и протянул ему руку.

— Что случилось, Борис Петрович? — спросил Пискунов, садясь.

— Ничего,— спокойно сказал бухгалтер.— Тут тебе премия... Распишись...

И он подал мастеру ведомость.

— Гм... Это хорошо,— сказал обрадованный Пискунов и стал искать себя в списке.

— Вот,— ткнул пальцем бухгалтер.— Тут...

— Восемьдесят рублей! — воскликнул мастер счастливым голосом.

— А ты что думал,— заметил бухгалтер и, проверив подпись, спрятал ведомость в стол.— Можешь идти,— сказал он, смотря на Пискунова поверх очков.

— А деньги?

— А если без денег?

— Как это без денег?

— Да так... Ты вчера обедал?

— Обедал...

— А платить кто будет?

— Не один я обедал...

— Ты чем пострадал?

— Я?.. Собственно, ничем...

— Так скажи спасибо за хороший обед.

— Спасибо, Борис Петрович... А все-таки...

— Ладно... Дело кончено. Вопросы будут?

— Нет... Все ясно...

г. Донецк.

Читайте фельетон на стр. 13 «МАСКАРАД У ПОРОГА»

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Вл. МИТИН,
специальный корреспондент Крокодила

Довесок к гирям Фемиды

К богине правосудия относятся по-разному. Одни ее любят, другие нет, третьи просто не замечают и упорно сидят, даже когда сказано: «Встать, суд идет!..» И как ни понукает их секретарь судебного заседания, они цепляются за свое место, будто в трамвае...

Так и в высших сферах ресторана станции Могилев имелась своя точка зрения на трудовое законодательство. Благодаря чему абсолютно посторонним лицам было незаконно выплачено около пяти тысяч рублей. О чем столяр ресторана В. М. Калашников своевременно сигнализировал в трест.

— Ну чего вы ропщете? — кротко совестил столяра директор ресторана А. П. Бакун.— Зачем роптать? Ведь закон куда поверни, туда и вышло...

А мысленно тов. А. П. Бакун, наверное, бушевал: «Ну, не змеей ли является указанный столяр? Мы его согрели у самой груди, дав ему высшую тарификацию, а он сигнализирует...» И, еле сдерживая клокотавшие эмоции, тов. директор плотоядно приглядывался к ветхой избушке, где В. М. Калашников решал разные столярные вопросы. А затем, созвав экстренное заседание в кабинете месткома, тов. директор предложил Калашникову другую, более низменную работу — грузчиком на склад либо в буфете. А когда столяр выразил вотум возмущения, то был «с согласия месткома уволен по сокращению штатов».

Поторопимся дополнить, что нарсуд принял неприятное для директорской амбиции и в чем-то даже унизительное решение «восстановить В. М. Калашникова на работе». Мало того: суд решил взыскать в его пользу суммы с ресторана за вынужденный прогул. Больше того — плюс пошлину в доход государства. Все на том же законнейшем основании, что никакого сокращения штатов в ресторане не было.

Встать бы да выполнить решение суда... Но тут целый гейзер чувств закипел в директорской груди! И как ни ходил в ресторан бедный судебный исполнитель, ресторанное руководство держалось за позицию. И, добившись в тресте приказа о сокращении, заново уволило Калашникова...

Снова суд. Опять болезненное для престижа восстановление. Взыскание денег. Словом — позор. А потому — новое отстранение столяра от должности, новая схватка с формалисткой Фемидой...

Покуда же идет эта титаническая борьба, перенесемся из Могилева, так сказать, во глубину сибирских руд, в климатически суровую Кемеровскую область.

Вообразите: совхозная пасека, тайга, грозно гудящие пчелы. И очень приятно выпивается в рабочее время под сенью кедров. Ну просто льется, извините, в горло сама. Мы далеки от рекламы алкоголя. Констатируем факты в показательном процессе. И среди них — пикники директора, главного агронома и зоотехника на пасеке.

Они, стало быть, выпивают от общественности вдалеке. А закусочка... Случалось ли вам, читатель, запивать треклятую свежим казенным медом? Оно незаконно, конечно, как-то... И об этом пчеловод пасеки Ф. Е. Святотатский ставит в известность компетентные органы. Правда, теперь предводители совхоза утверждают, что пчеловод вел себя некорректно, пытался погубить душу главного агронома, выпустив на него пчел.

— Ты, Федор, однако, смотри! — кричали ужаленные в самую грудь любители госдобра, ретируясь с пасеки.— Мы, однако, тебя работы решим...

И решили. Впрочем, по первости, впопыхах, без согласия месткома. Вкратце — суд. Кратко — восстановить. Позорище... Ну и, понятно, уязвленное самолюбие... А не втереть ли пенсне этой старой карге Фемиде, не подсунуть ли ей самодельные гири? И подделали записи в трудовой книжке. Трах-тах... И низвергли-таки Святотатского с занимаемого им поста!..

Мы вовсе не собираемся выступать в роли адвокатов, хотя кое-что определенно хочется взять под защиту. Мы вот о чем. Закон, он один, но, будучи единственным, обязателен для всех. Его уважать надо! Какие бы страсти ни плескались в груди. И как бы ни хотелось ввернуть правосудию свои, персональные довески к гирям Фемиды...

г. Могилев—Кемерово.

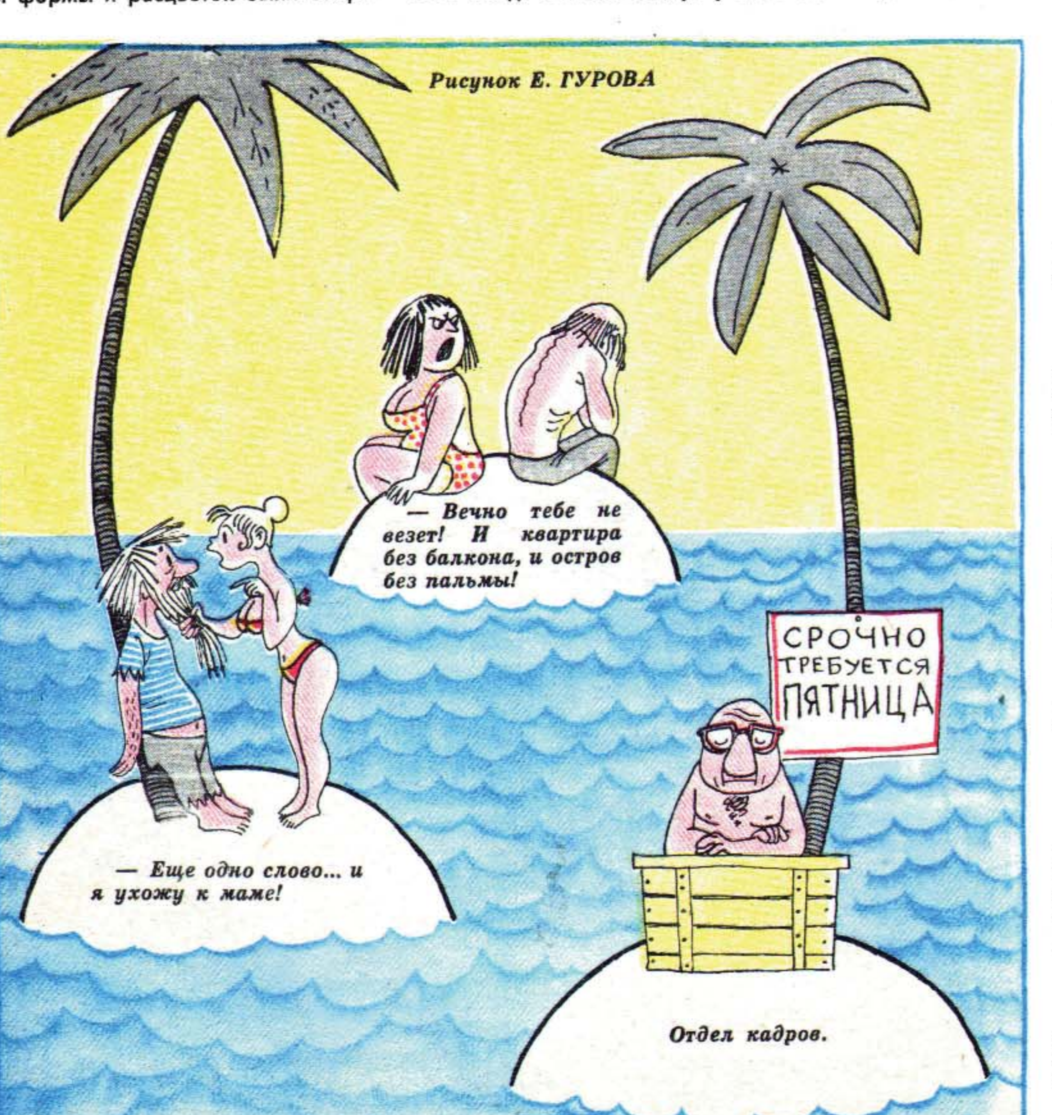

Рисунок Е. ГУРОВА

Отдел кадров.

Улыбнись, читатель!

«Птичка и гипербола»

Уважаемый Крокодил! На рисунке Г. и В. Караваевых (№ 14) два человека стоят около работающего на холостом ходу трактора и говорят:

— Что это трактор работает, а Иванова не видать?

— А он уже неделю как у тещи гуляет.

Есть лодыри, которые прогуливают и поболее недели, тут художники не погрешили против истины, но каким образом трактор мог, пусть даже на холостом ходу, работать целую неделю без заправки?

А. Королев (Саратовская область), Б. Васильев (г. Пенза), В. Хокин (г. Чита).

Уважаемые товарищи! Когда фотограф, желая, чтобы вы улыбнулись, говорит вам: «Сейчас вылетит птичка!» — вы в самом деле улыбаетесь. Карикатура не фотография, и художникам «птичка» не нужна. Ее с успехом заменяют гротеск и гипербола.

Неизвестное об известном

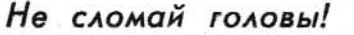
Добро пожаловать

Дорогой Крокодил! Эпиграфом к рисунку Е. Ведерникова в 11-м номере послужило письмо Б. Захарченко из г. Донецка, Ростовской области. Непонятно, каким образом указанный товарищ может проживать в городе, которого нет. Или, может быть, областной г. Донецк перекочевал в Ростовскую область?

М. Жданов, пос. Сенной, Краснодарского края.

Уважаемый Михаил Трофимович! Б. Захарченко приглашает вас посетить город Донецк, Ростовской области, и заверяет, что он понравится вам не меньше, чем его областной тезка.

Не сломай головы!

Занимательное летосчисление

Дорогой Крокодил! В фельетоне «Зайдите после праздников» я прочитал: «Да вы на календарь взгляньте!» Что же, глянем. «Вторник. Вос. 4.53. Зах. 20.03. Долгота дня 15.06. День как день. Обыкновенный».

Не сказал бы. Если из 20.03 вычесть 4.53, получится 15.10, а вовсе не 15.06. Автор невнимательно глядел на календарь, это его и подвело.

А. ОРЛОВ, г. Южно-Сахалинск.

Да, невнимательность может подвести, но еще чаще подводят календари. В карманном табель-календаре издательства «Художник РСФСР» все воскресенья следуют после пятниц, а в табель-календаре, напечатанном на алма-атинской фабрике книги, воскресенья вообще отсутствуют. В перекидном календаре рыбинской типографии № 2 апрель порадовал двумя вторниками подряд: 5-го и 6-го. Волгоградская фабрика офсетной печати выкинула из своего карманного календаря январь, октябрь и ноябрь, зато подарила по два февраля, марта, августа и сентября. Казанский полиграфкомбинат, развлекаясь, перетасовал в перекидном календаре дни июня — июля, словно карточную колоду. За 11 июня дни идут в таком порядке: 8, 9, 14, 7... Эта чехарда длится тридцать два дня.

Помнится, мы в редакции на Новый год подарили всем сотрудницам по отрывному женскому календарю, изготовленному в Первой Образцовой типографии. До 28 марта в редакции было все спокойно, а 29 марта сотрудницы дружно начали поздравлять всех с наступающим Новым годом. Оказалось, в календарях за 28 марта следует 31 декабря. Впрочем, поздравления все равно были преждевременны, поскольку в календаре за 31 декабря стояло не 1 января, а 30 декабря, затем 29-е и т. д.— время потекло в обратном порядке.

Оно, конечно, нынешний год високосный, возможны разные сюрпризы, но все-таки зачем же время ломать?

Кто ищет — тот найдет

Факт на лице

Уважаемый Крокодил! На рисунке, напечатанном в 17-м номере, повар, официант и метрдотель, указывая на свои лысые, как бильярдный шар, головы, доказывают посетителю ресторана, что он не мог найти в супе волос. Я считаю, что они обманывают, ведь у метрдотеля и официанта есть усы, значит, волос мог попасть в суп из усов.

Л. НЕСИНА, г. Владивосток.

Мы поздравляем вас с необыкновенной наблюдательностью и привлечением внимания работников ресторанов к скрытой в их усах опасности.

Лирический настрой

Станислав КУНЯЕВ

Розовые сны

К одному из невзрачных домов
подойдя с затуманенным взглядом,
я увидел средь желтых цветов
образ девушки за палисадом.
И, отвесив поклон головы,
я спросил без какой-нибудь цели:
— Разве здесь проживаете вы!
— Неужели не я! Неужели!
О, как гневно взглянула она
на меня, словно на хулигана:
— Я прошу отойти от окна! •
Вы забыли здесь что-нибудь! Странно!
Я сказал, опершись о засов,
притворясь, что остался в обиде:
— Я здесь несколько розовых снов
позабыл... Как-нибудь возвратите!

Мое прочтение

Александр МАТЮШКИН-ГЕРКЕ

Лесной аперитив

...а белый груздь,
как будто стопка,
стоит
чуть-чуть прикрыт
листвой.

Александр ШЕВЕЛЕВ.

Вхожу я в лес
Заветной тропкой,
Лохмат и весел,
Как щенок,
И воробьи,
Как будто пробки,
Взлетают прямо из-под ног.
Хмельной закуской клюква
рдеет.
Стоят фужерами
Кусты,
И потихоньку я
Балдею
От забродившей красоты.
Под елкой лежа
Отдыхаю,
Корягу нежно обхватив,
А сам
Без устали вдыхаю
Шальной лесной аперитив.
Цветов осенняя палитра
Подогревает аппетит,
Замшелый пень,
Как два пол-литра,
В росе приветливо блестит.
В самом себе почуяв беса,
«Не пью, не пью»,—
С утра твержу,
Но все же к вечеру
Из леса
На четвереньках выхожу.

г. Ленинград.

Детская фантастика

Юнна МОРИЦ

Робот

На работу вышел робот,
Он воткнул в розетку хобот,
Бивнем чиркнул он о бивень —
Огуречный хлынул ливень!
Гром гремит, земля трясется —
Информация несется!
Робот водит фотоглазом,
И гудит железный разум,
Чтоб не сдвинуться по фазам.
Вот на телепанораме
Огурцы под номерами
Улеглись верхом на грядке.
Все у робота в порядке,
Он нуждается в разрядке.

Вынув хобот из розетки,
Скушал робот три таблетки
(завтрак, полдник и обед),
И включил зеленый свет,
И помчался на авто
Поразвлечься в шапито.
В цирке спрашивает робот:
«Здесь какое напряженье?»
Он воткнул в розетку хобот,
И включил воображенье,
И нажал на животе
Десять кнопок — те и те.
Наступила в мыслях ясность,
Точность, блочность,
фантомасность!
Гром гремит, земля трясется —
Информация несется!
Робот водит фотоглазом,
И гудит железный разум,
И на телепанораме —
Номера за номерами
В цирковой идут программе,
Как намечено в программе!
Вынув хобот из розетки,
Скушал робот полтаблетки
(легкий ужин на двоих),
Покатил домой железно
И, ножом по сковородке
Сделав нужные заметки,
Окончательно затих...
Но во сне забылся робот —
Он воткнул в розетку хобот,
Бивнем чиркнул он о бивень
И пустил не этот ливень,—
Мягко говоря, не тот,
Не туда, не с тем наклоном!
Смыло почту с почтальоном,
Трансформаторную будку,
Чувство юмора и шутку!
Гром гремит, земля трясется —
Информация несется!
Что так пахнет кисло-сладко?
Что за дым из хобота?
Это вспыхнула прокладка
В хоботе у робота!
Робот в тапки — прыг с кушетки,
Вырвал хобот из розетки
И открыл холодный кран
Для заливки жгучих ран.
А потом достал паяльник —
Запаял пододеяльник,
Спину, грудь, ребро, лопатку,
Вставил новую прокладку
И нажал на животе
Десять кнопок — те и те!
Наступила в мыслях ясность,
Точность, блочность,
фантомасность!
На работу вышел робот,
Он воткнул в розетку хобот,
Гром гремит, земля трясется —
Информация несется!

Бор. ЮДИН

Курортная баллада

Ах, как мы не ценим друзей и подруг,
Что в летние дни приезжают на юг,
Где солнцем налит золотой виноград
И пурпуром розы, как звезды, горят...
Приехала девушка издалека
И в брызгах соленого ветерка
Впервые увидела бархатный пляж...
И внутренний голос промолвил ей: «Ляжь!»
И с грустью отметим, чего уж там врать! —
Она улеглась на песке загорать,
Зарылась коленками и животом,
Прочла Сименона двенадцатый том
И так до обеда лежала с утра...
А где же был доктор? А где медсестра?
И вот обожглась чуть южнее спины,
Все были отчаянно огорчены...
Я плачу навзрыд, все на свете кляня,
И мысль неотвязная гложет меня,
Пять новых морщинок на душу легли:
Ну как же девчонку не уберегли?!
Никто не подумал открыть ей секрет,
Никто не нашелся подать ей совет:
Когда б на бочок, на другой прилегла,
Она бы, наверно, себя не сожгла.
Пусть в каждое сердце отыщет свой путь
Курортной баллады глубокая суть:
Когда летний отдых, мой друг, впереди,
Пруткова Козьмы помни заповедь — «Бди!»

Мое прочтение

Юрий ШАНИН

Симфония огорода (Новелла Матвеева).

Где помидоры огненно свирепы,
Где с ветром в ссоре сорная трава,
Турнюр турнепса скипетрами репы
Прикрыт... А рядом — свеклы булава!

Но как прообраз смутных разносолов
На фоне баклажанов-сорванцов
Звучит беззвучно тыквенное соло
В сопровожденье хора огурцов.

Мне нравится капустная порода
И лук в зелено-дымчатом плаще...
Симфония Большого Огорода
Логично завершается в борще.

г. Киев.

Павел ХМАРА

Ода алогизму

«Вряд ли эта теория верна, так как
она недостаточно сумасшедшая».
Нильс Бор.

В стандартах плавая привычно,
меня ты, может, не поймешь...
Искусство часто нелогично,
наука — нелогична сплошь!
Тот, кто из логики не вырос,
способен быть примером всем,
но для шедевра нужен выброс
из устаканившихся схем!
Творец, не пожалей азарта!
Наплюй на осужденья стон!
Открытье — антипод стандарта,
оно всегда — из ряда вон.
В открытье — всплеск и исключенье,
зря логик ищет в нем изъян,
хоть нелогично заключенье,
что человек — из обезьян...
Хоть вне логической цепочки,
скорей — из области муры,
предполагать, что в небе точки —
необозримые миры.
Не для каких-то личных выгод,
но истины великой для
как нелогично сделан вывод
о том, что вертится Земля!
Невероятен, нетипичен
творец, родивший колесо.
Был Лобачевский нелогичен
и нелогичен Пикассо!
Творцы! Гордимся вашей лептой!
Нам не сравнить ее нельзя
с триумфом, вырванным нелепой
победной жертвою ферзя.

Поэтический импорт

Из английской народной поэзии

Милые дети

Джонни и Кэтти шли по аллее,
милые дети.
Джонни спросил ее, густо краснея:
— Можно я, Кэтти?..
— Что тебе, Джонни? — неосторожно
молвила Кэтти.
— Поцеловать тебя в щечку мне
можно?
Милые дети.

●

Не жги над головою крыши,
Чтобы избавиться от мыши.

●

Один человек вместо лавки
Уселся на кончик булавки.
Подпрыгнул от боли
И вновь поневоле
Уселся на кончик булавки.

●

Однажды увидел чудак
Во сне, что он ест свой башмак.
Он вмиг пробудился
И убедился,
Что это действительно так.

Перевел Александр ЖУКОВ.

Дифирамб

Юрий БЛАГОВ

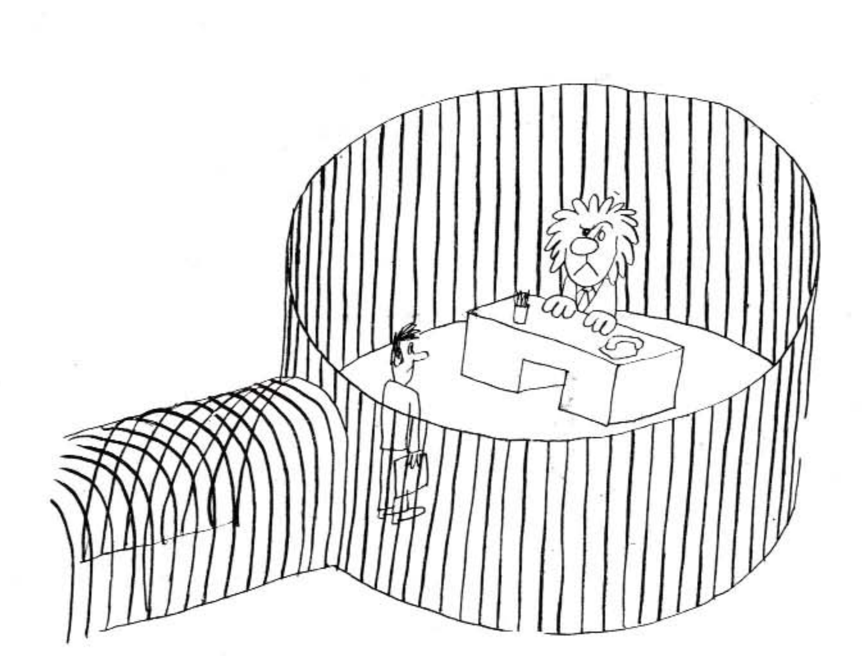

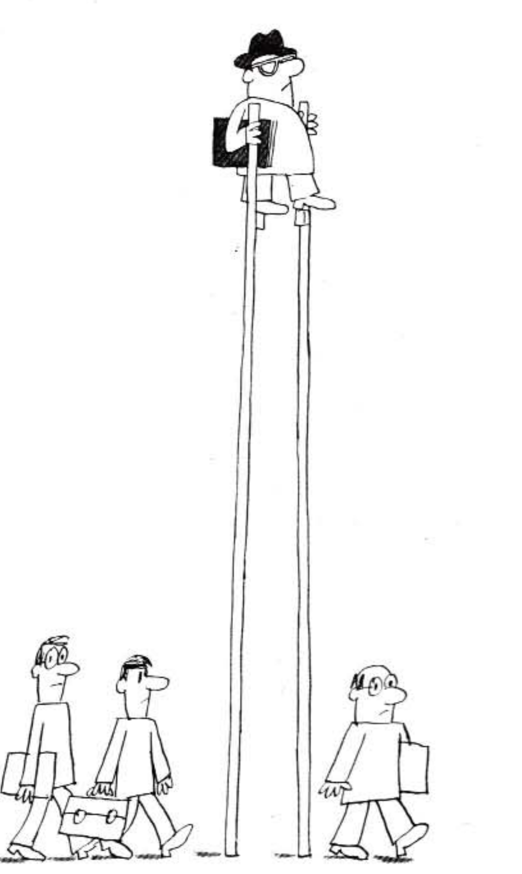
Место в искусстве

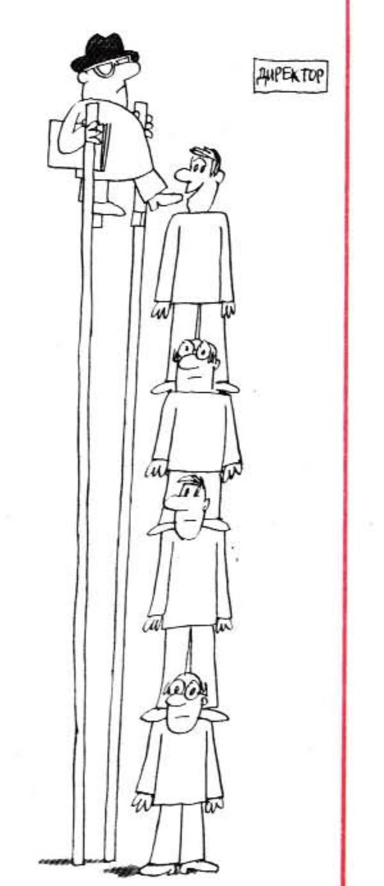
Все запахи детства уносят года,
Никак мы их не сбережем,
И в цирках, где пахло конюшней всегда,
Отныне разит гаражом.
Машина у нас вездесуща — но стоп! —
Есть неодолимый барьер,
За этим барьером то вальс, то галоп,
То рысь, то трусца, то карьер.
Взмывает «на оф» (почитай, «на попа»)
Гнедой в боевой красоте;
Машина для трюков подобных тупа,
Поскольку в ней гены не те.
В ней сил лошадиных немало, но нет
По части души — ничего,—
Машина, она, как известно, предмет,
А лошадь, она — существо.
Резвится машина на трассе прямой,
А в круг не пускают ее,
Так пусть дрессировщика возит домой
И делает дело свое.

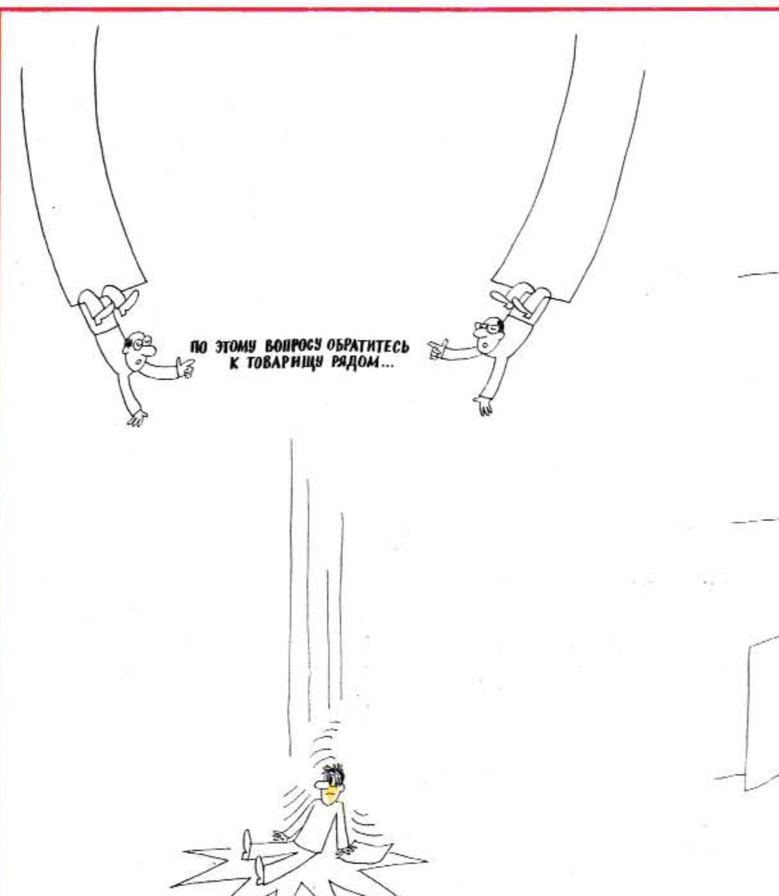

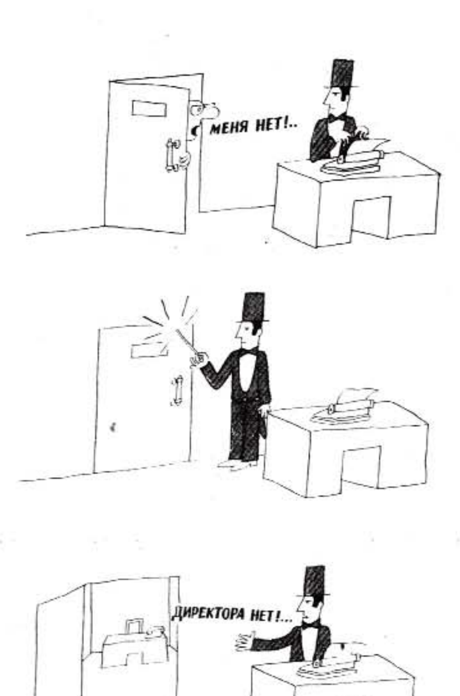
Рисунки А. СЕМЕНОВА

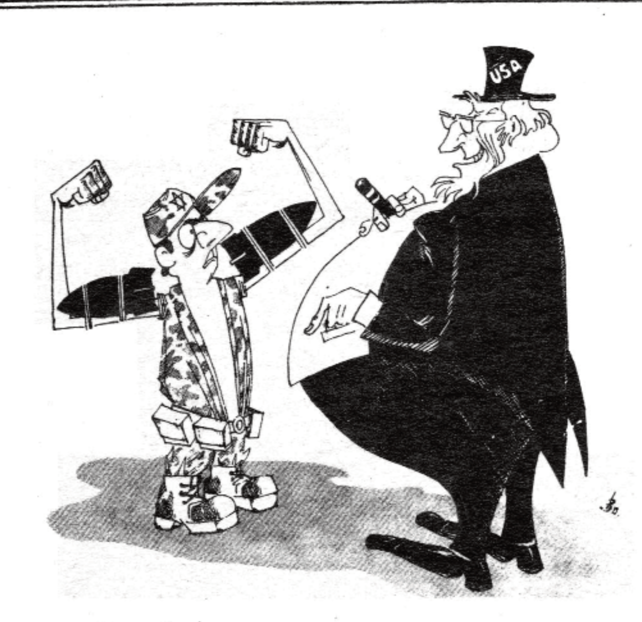

— С нашим балансом за этот месяц все в порядке...

ВОКРУГ СВЕТА И ТЬМЫ

Крокодильская международная газета. Выходит довольно регулярно.

— Благодаря вам я чувствую, как наливаюсь силой!

Рисунок П. ВОРОБЬЕВА.

Наконец-то равноправие!

В последнее время наметились четкие сдвиги по части женского равноправия на Западе. Во всяком случае, определенная часть воистину деловых женщин плодотворно трудится плечом к плечу с коллегами мужского пола и сообща с сильной половиной делает бизнес.

Чтобы не быть голословными, приведем пример, заимствованный из западногерманского еженедельника «Виртшафтсвохе».

Вот, скажем, западногерманская туристка путешествует по одной из южных стран. Она едет на автомобиле, при ней ее нежно любимые чада. Покатавшись по чужой земле, дама пересекает границу в обратном направлении. А дети безмятежно спят на заднем сиденье — они устали от впечатлений. Пограничники с улыбкой прикладывают палец к губам: «Тсс!» Бесчеловечно же будить деток...

Суть данного бизнеса в том, что под спящими детками спрятаны порошочки, от которых в сладких грезах уснут навеки десятки людей в ФРГ.

Перевозя наркотики из жарких стран в Западную Европу, мамаши рискуют ничуть не меньше папаш. Зато нет и дискриминации в оплате опасного труда. Дамы имеют равные с мужчинами возможности в дележке прибыли. А она достигает двадцати тысяч процентов! Вот в какую высокооплачиваемую сферу пробились иные западные немки!

Правохристианские силы в Ливане развязали кровопролитную гражданскую войну.

MADE in USA

Крест на единстве Ливана.

(«Стыршел», Болгария).

Тишина в классе

Энергичная 30-летняя преподавательница Элиза Скарпаро из итальянского городка Консельве сумела заставить самых болтливых воспитанников молчать во время урока. Даже ее великий соотечественник Песталоцци, корифей педагогики, не додумался до столь простого и эффективного способа — синьора Скарпаро заклеивала детям рот лейкопластырем.

Власти не оценили всей прелести нового способа — вместо того, чтобы присвоить учительнице звание магистра педагогических наук, ее отдали под суд за жестокое обращение с малышами.

Происшествия

Сделка не состоялась

Под покровом ночи в одном укромном мотеле возле Нью-Йорка состоялась встреча неких угрюмых личностей с иностранным туристом. На этой тайной вечере речь шла о продаже 10 тысяч автоматов для гангстеров США. Сделка намечалась примерно на 3 миллиона долларов. Но, увы, как и на библейской тайной вечере, здесь оказался свой Иуда — агент федерального департамента, контролирующего сделки с огнестрельным оружием. И самое пикантное — в роли преданного Христа оказался не кто иной, как начальник генерального штаба вооруженных сил Сальвадора полковник Мануэль Альфонсо Родригес.

Обнаружилось, что этот сеньор прибыл в Вашингтон по туристской визе и оформил фиктивную заявку на поставку 10 тысяч автоматов для нужд «сальвадорской обороны». Тут-то и возникли первые подозрения, ибо все вооруженные силы Сальвадора насчитывают всего 5 тысяч солдат.

Так как начальник сальвадорского генштаба прибыл в США как турист, он не мог воспользоваться правом на дипломатическую неприкосновенность. Ему бы, чудаку, воскликнуть: «Я вооружаю армию для отражения коммунистической угрозы!» — его бы сразу отпустили, да еще медальку бы кинули, а он растерялся, промолчал и угодил в тюрьму.

Как пройти к морю

ЧИРЧЕО. (соб. корр. «Вокруг света и тьмы»). Чирчео в итальянской провинции Латина славится своими пляжами. Вернее, славилось. Я не случайно употребил прошедшее время, потому что сегодня пляжа в Чирчео нет. Вернее, он есть, но только для владельцев шикарных вилл.

Мы идем с одним моим знакомым по улице. Где-то вдалеке слышится шум моря, Море только слышится, но не видится. Перед нами—сплошной ряд вилл, скрытых за высокими оградами.

Мой знакомый Камилло объясняет:

— По итальянским законам жители должны иметь свободный доступ к морю через каждые триста метров. Это закон. Так сказать, теория. А на практике ты видишь перед собой сплошную цепь вилл. Хочешь искупаться — купи себе виллу с частным пляжем. Это не очень дорого. Если бы я, квалифицированный рабочий, перестал есть и пить, не тратил бы ни одной лиры на одежду и жилье и работал при этом двадцать четыре часа в сутки, лет через двести я бы, пожалуй, смог купить себе такой домик...

— Но как же закон?

— Понимаешь, у наших властей очень слабое зрение. Уже построено сто пятьдесят вилл, еще пятьсот с лишком строятся, а они ничего не видят. Прямо несчастье у них с глазами. Не видят — и все! И прокуратура провинции тоже страдает глазами. У них там целый шкаф, полный наших жалоб и заявлений. Говорят, ключ потеряли...

Шумит море за виллами в Чирчео. Хочешь купаться — стань миллионером. Это не возбраняется никому — демократия!

Л. Скамейкин.

Бегом к обезьяне

Прошли те времена, когда на Западе печать восхищалась обезьянами-«художниками». Снимки хвостатых приматов, пачкающих красками холсты, исчезли с журнальных страниц. Обезьяны, ведущие себя, как абстракционисты, уже не в моде. Сейчас там в моде люди, ведущие себя по-обезьяньи. Их прыжки и метания жадно ловят на фотопленку газетные репортеры.

Современных человекообезьян называют стрикерами. Раздевшись догола, они разгуливают в многолюдных местах, заставляя краснеть прохожих и бледнеть полицейских. Стрикерство зародилось в США и, как все прочие массовые психозы, быстренько перекочевало в Западную Европу.

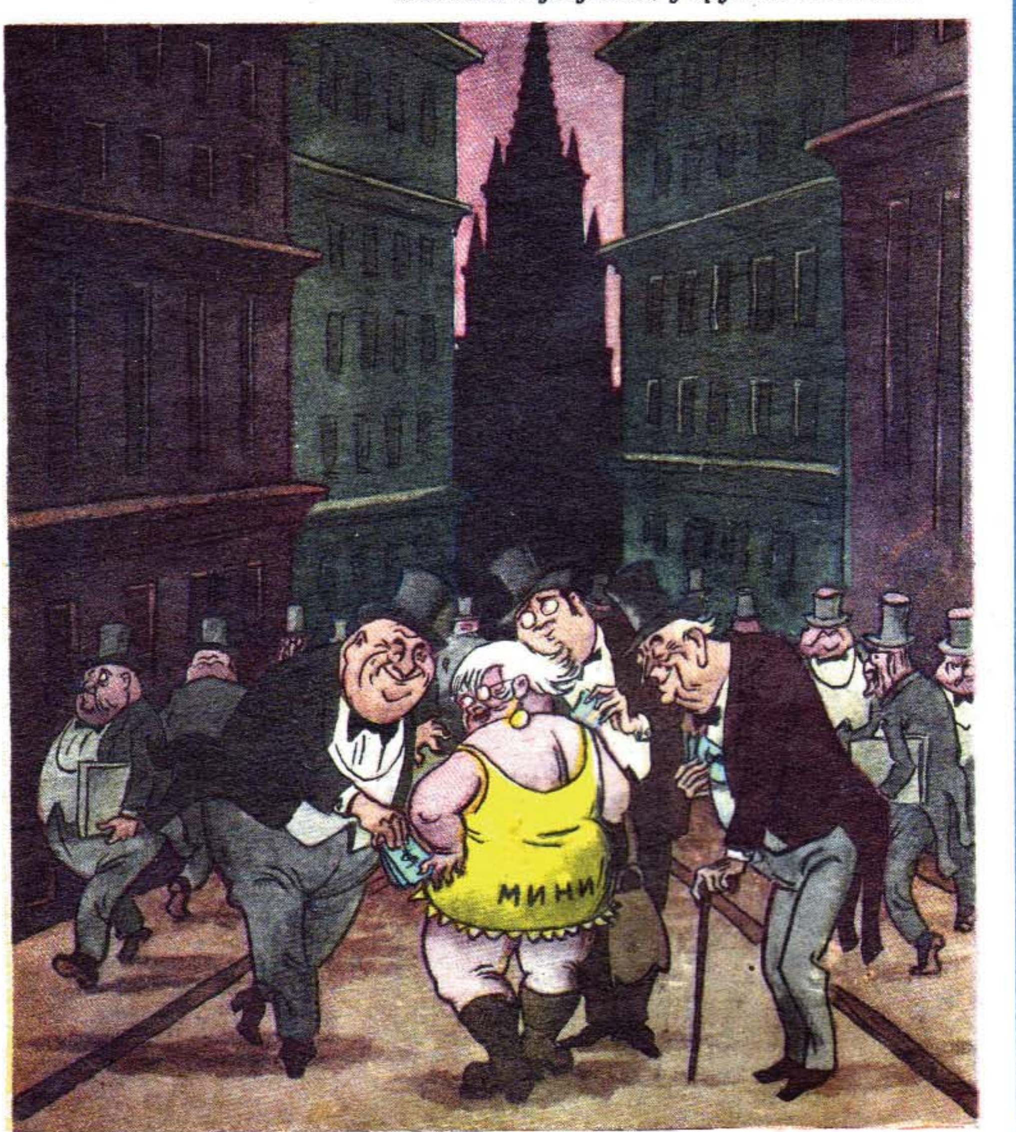
Стрикеры словно вознамерились доказать, что человек, произойдя от обезьяны, совсем недалеко от нее ушел и при желании может прибежать к ней обратно.

Фотокорреспондент английского журнала «Уикэнд» запечатлел подвиги британских стрикеров. Судя по снимку, борьба за стирание граней между нормой и безумием продолжается.

ПОСЛЕДНИЕ ПАТРОНЫ *Рисунок В. ТИЛЬМАНА*

Американский профсоюзный босс Джордж Мини находится в услужении у крупных монополий

НА ПАНЕЛИ УОЛЛ-СТРИТА *Рисунок М. АБРАМОВА*

Зарубежный фельетон

Рассел БЕЙКЕР

ЕЩЕ ОДИН БОРЕЦ С ИНФЛЯЦИЕЙ

Из густого тумана вынырнул мой старый знакомый Джон Потрошитель и направил на меня пистолет.

— Начнем, как обычно, с бумажника, сэр.

Я протянул ему искомое, заметив с подлинным удовлетворением, что Джон по-прежнему не докучает правительству требованиями работы.

— Уже два года, сэр, я сам себе работодатель. А теперь, пожалуйста, ваши часы.

— Горжусь тобой, Джон. Гордится тобой и твоя страна. Ибо если ты начнешь требовать работы, то доставишь правительству Америки новые заботы. Создание новых рабочих мест — адски сложная штука.

— Разуйтесь и снимите носки, сэр,—предложил Джон.— Если в ботинках ничего не окажется, я загоню их приятелю.

— А ты с головой, Джон! Не сидишь сложа руки и не ждешь пособия от правительства. Сам проявляешь инициативу.

— Упаси меня бог,— отвечает Джон.— Если бы я попросил пособия, то заставил бы правительство пойти на новые расходы и тем самым углубил бы инфляцию в стране. А сейчас я с удовольствием провожу вас домой, где меня ждет ваш телевизор и семейное столовое серебро.

Моя семья была очень рада визиту Джона и под ласковое поблескивание его пистолета выложила все ценные вещи. Джон был необычайно растроган. Особенно тронула его бабушка, которая без колебаний отдала ему обручальное кольцо.

— Считаю за честь,— сказала она,— оказать хотя бы малую услугу нашим парням, которые не углубляют инфляцию требованиями повышения заработной платы.

— Вы истинная леди,— сказал Джон.— Через пару лет я верну вам все. Как только правительство оздоровит экономику настолько, что можно будет найти приличную легальную работу, я поступлю в какую-нибудь фирму и заработаю вам на кольцо.

— Не затрудняйтесь,— сказала бабушка.— К тому времени, когда правительство справится с кризисными явлениями в нашей экономике, меня уже не будет на этом свете, а вы уже станете дедушкой, окруженным внучатами.

Джон объявил, что скоро прибудет его коллега с грузовым автомобилем и заберет из нашего дома мебель.

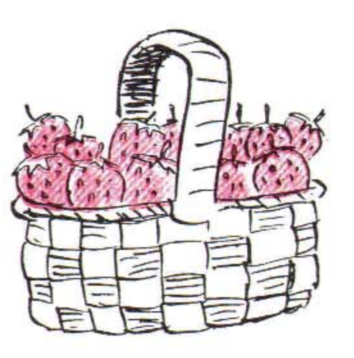
— Я мог бы, конечно, ходить у Белого дома с плакатом «Ищу работу!», но мне не хотелось бы раздражать администрацию,— пояснил он.

Сокращенный перевод Л. ИВАНОВА.

Леонид ЛЕНЧ

ДОЖДЬ ПОД КРЫШЕЙ

Рассказ

Жила (да и сейчас живет) на благословенном юге страны некто Кулёнкина Маргарита Ивановна по прозвищу тетя Маргоша.

Живого весу в ней — сто пять килограммов, голос у этой тети басовитый и зычный, как гудок у буксирного портового катера, цвет лица — свекольный.

Долгое время тетя Маргоша продавала свою «зеленую продукцию» на местном рынке в близлежащем городе, а потом стала воспаленно мечтать о поездке, точнее, о полете «в самый центр», где, по Маргошиным разведывательным данным, горожане за свежую зелень готовы заплатить любую деньгу, какую ни попросишь.

Мечты тети Маргоши разделяла и всячески их подогревала ее приятельница и соседка по рыночному ряду тетя Уля.

В отличие от Маргоши Ульяна тоща и увертлива, личико у нее с детский кукиш, голос тонкий и въедливый, как злое осиное жужжание.

— Лети, Маргоша, ничего не опасайся! Ведь не яд какой-нибудь повезешь для центрального народа, а полезный витамин, взращенный на чистом коровьем дерьме безо всякой химии на собственной законной деляночке слабыми женскими ручками. Лети, голубка, господь с тобой!

— Я, Ульянушка, ничего такого не боюсь! — отвечала ей тетя Маргоша.— Я, откровенно говоря, другого опасаюсь: как бы меня там в центре жулики не обчистили. Ведь деньги при мне окажутся немалые. А куда их прятать? Посоветуй хоть ты, подружка моя дорогая!

Ульяна подумала и посоветовала:

— В сумку. Которая белая, с металлическими заклепками. С сумкой ни на минуту не расставайся, чтобы куда ты — туда и сумка! Цепко держи ее в руках. Спать будешь ложиться в гостинице — тули сумку под головку, так и спи на ей, как солдат на своем кулаке.

— У меня сон больно крепкий. Не то что сумку, а меня самую жулики за ноги вытащут — я и то не проснусь!

— Тогда на тельце кюпуры содержи. В лифе!

— Щекотно! Я с детства щекотки не переношу. Нападет хохотун-щекотун, так до белых тапочек и дохохочешься.

— А в чулки?!

— Пробовала. Ноги у меня — гляди! — и так толстючие, а с денежной оберткой станут совсем уж как у слона. Не дай бог наведут жуликов на подозрение!

Ульяна еще подумала и твердо сказала:

— Тогда под кофту деньги надо прятать. Которая на резинке. Под кофтой у тебя рубаха надетая, тельце твое они не будут щекотить, а станет тревожно — пощупаешь себя за талийку, а кюпуры — нежненько этак — хрустнут: мы тута! И на душе у тебя воцарится покой.

— Нету у меня, Ульянушка, кофты на резинке. У меня все распашонками, навыпуск.

— Этой беде можно помочь,— сказала тетка Ульяна.— Я тебе свою одолжу. На один полет!

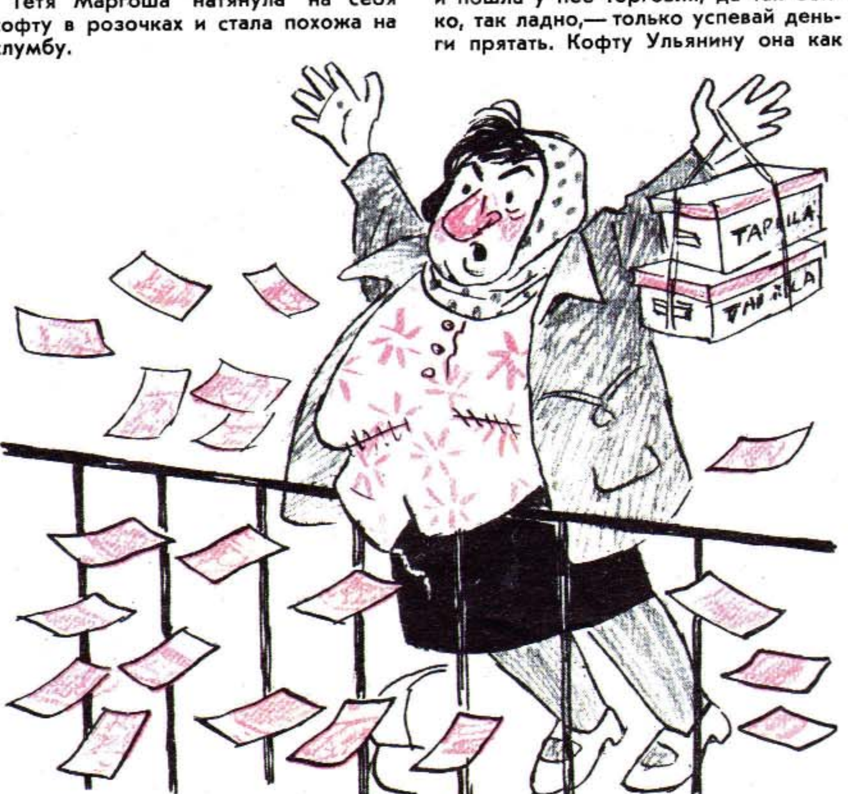
Маргоша усмехнулась.

— Мне твоя кофтенка, Ульянушка, на мизинчик, хочешь на левый ее натягивай, хочешь — на правый... Эвон какая у меня комплексия и эвон — какая у тебя!

— У меня в сундуке есть одна. Я ее пошила, когда еще при теле была, а недавно резинку поменяла, хотела продавать кофту, да раздумала. Красивая кофта, вся в розочках, фон — палевый. Очень к твоему личику подойдет. Вечером принесу — примерь. Подойдет — лети безо всякого! А за это привезешь мне две пары финских сапожков, мне финские сапожки очень нравятся, даже больше, чем итальянские. Деньги я тебе на их дам!..

Вечером Ульяна, как обещала, пришла к Кулёнкиной.

Тетя Маргоша натянула на себя кофту в розочках и стала похожа на клумбу.

Ульяна заахала, запричитала восхищенно:

— Королева Марго! Ну, чистая королева Марго!..

— Очень уж обтягивает она меня, Ульянушка!

— Господи, да было б что обтягивать! Мужикам-покупателям нравится, когда... в обтяжку,— они тогда не торгуясь товар берут!

— Резинка сильно в талию впивается! Как змея!..

— Притерпишься, ничего!..

Митрофан, затюканный Маргошин супруг, не выдержал, попробовал было подать свой голос, но когда он сказал в сердцах: «Срамота! Совсем вы, бабы, сдурели от базарной жадности!» — да еще и сплюнул при этом нахально на пол,— тетя Маргоша так на него цыкнула, что он пулей вылетел из хаты.

Запаслась Маргошенька справками, какими нужно, и полетела в центр, повезла туда по воздуху свою «зеленую продукцию» для центрального народа. Клубнички прихватила три корзинки, морковочки, огурчиков ранних, всякой травки-муравки.

Прилетела, получила койку хорошую в гостинице при рынке, перезнакомилась со всеми, все разузнала, вошла в курс всего рыночного дела, и пошла у нее торговля, да так бойко, так ладно,— только успевай деньги прятать. Кофту Ульянину она как дома надела, так все дни ее и не снимала. Днем в ней торгует, ночью в ней спит. Утром проснется, первым делом себя за талию пощупает — купюры хрустнут ей: «С добрым утром»,— она с новыми силами опять на рынок.

Наконец все дочиста, до последней травинки продала тетя Маргоша, выручку разложила по пачкам, запихнула под кофту, а кое-что вколотила в сумку — в ту самую, в белую, с металлическими заклепками. И поехала по центральным магазинам на охоту за промтоварными соблазнами.

Охоту свою тетя Маргоша начала с главного магазина — огромного, высоченного, со стеклянной крышей, под которой беспрепятственно летали, переругиваясь друг с дружкой на лету, ко всему привычные центральные воробьи.

Отстояв в очередях в разных отделах магазина положенное время, всего накупила тетя Маргоша: финских сапожков купила пять пар, две — Ульяне, три — себе, одеял шерстяных импортных — три штуки, разного трикотажу купила, мануфактуры всякой отечественной — нагрузилась этим добром, как верблюд-работяга, стоит на верхней галерее, чуть дышит. И попутал тут ее бес: оттянула Маргоша украдкой на самую малость проклятую резинку, хотела дать своему тельцу подышать, а резинка возьми и лопни. И посыпались тогда при всем честном народе на пол из тети Маргоши денежные пачки — вся ее выручка! Да еще на одной пачке, самой увесистой, из одних десяток — красненькие, как ягодки,— одна в одну! — порвалась нитка, которой они были перевязаны, и полетели Маргошины десятки с галереи вниз, на головы снующих по магазину туда и сюда покупателей.

Что тут поднялось — описать невозможно! Люди внизу ловят порхающие по воздуху купюры, смеются, толкаются, кричат:

— Вот это дождик так дождик!

Маргоша наверху подбирает с пола свои пачки, вколачивает их в белую сумку, а сама дурным голосом верещит на весь магазин:

— За ради создателя, люди добрые, это мои деньги на вас сыплются!.. Это у меня на кофте резинка Ульянина лопнула... Чтоб ей, дурной бабе окаянной, сто раз дома икнулось!.. Ой, обождите, граждане, не уходите никуда с моими десяточками, я сейчас верхние подберу и прибегу за нижними!..

Надо сказать, что и тут все обошлось у тети Маргоши более или менее благополучно.

Дождик свой бумажный она по капельке собрала, когда сбежала с галереи вниз к людям, которые ее там ждали.

Правда, не все десятки вернулись в ее белую сумку, но большую часть развязавшейся пачки удалось спасти. Так что на «центральный народ» грех обижаться тете Маргоше.

Но все же обида у нее есть. На Ульяну? Нет, не на Ульяну. Когда сейчас в ее присутствии заходит речь о том, что, дескать, надо улучшать качество товаров широкого потребления, Маргоша обязательно в такой разговор встрянет и скажет:

— Не знаю, граждане, как вы, а, будь моя воля, я бы первым делом с резинщиков стружку сняла. Сами посудите: раньше на резине бугая можно было за хвост удержать. А сейчас... чуть потянешь, она и порвется. Не резина, а паутина! Довольно стыдно, товарищи резинщики, такого качества продукцию выпускать!.. Уж я бы им всыпала по первое число, если б меня на них спустили.

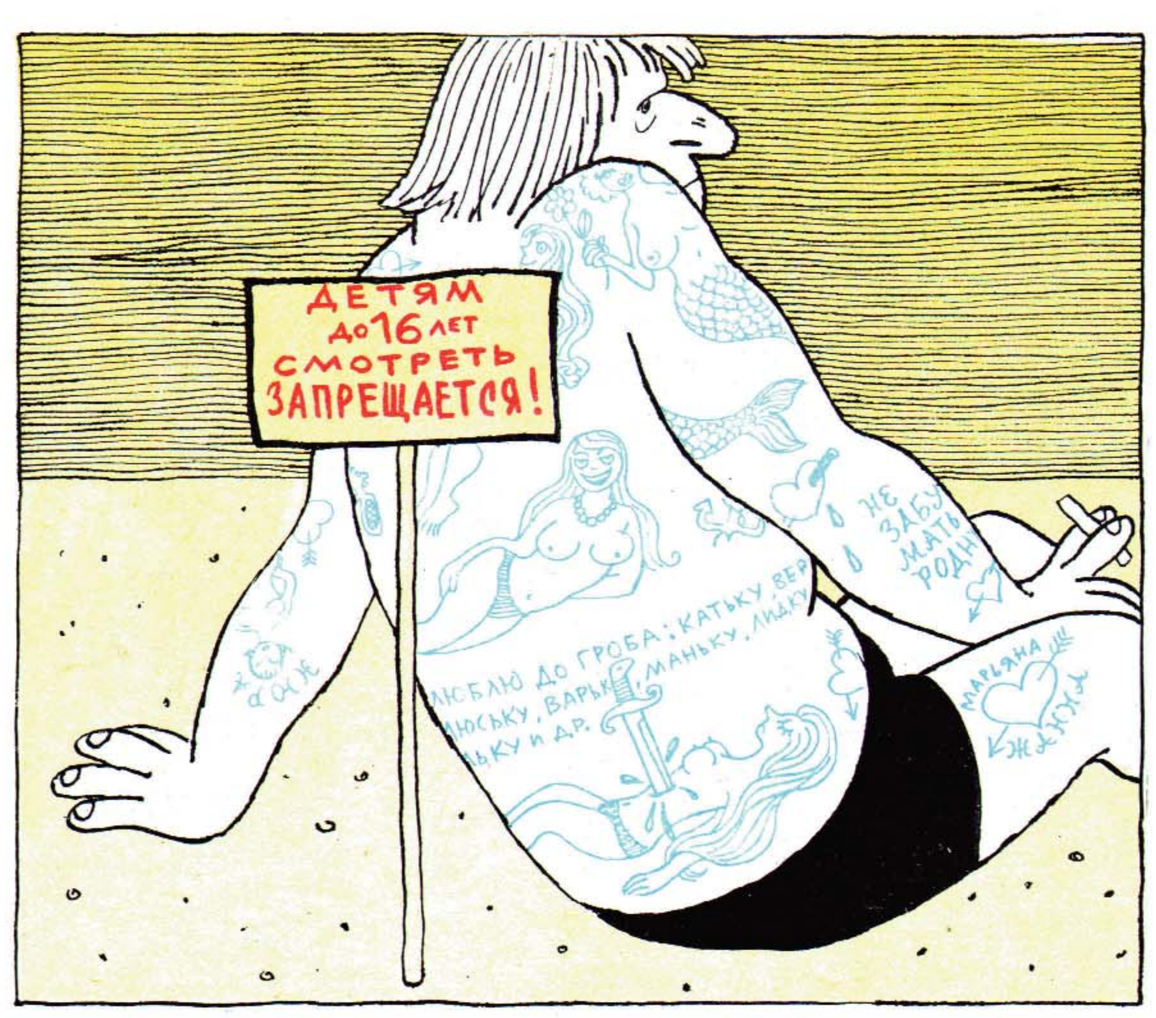

Рисунок Е. ГУРОВА

МИМОХОДОМ

Если король льстит дворнику, значит, он ему не доплачивает.

Внутренний голос обычно бестактен.

Тот, кто стоит перед тобой на коленях, унижает тебя.

А. ДАВИДОВИЧ

— Вы, если я не ошибаюсь, практикантка?
Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

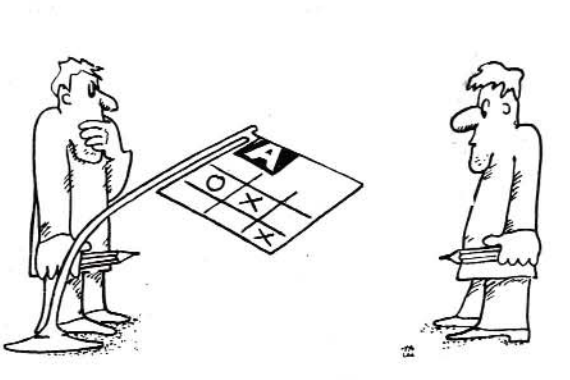

Рисунок Н. МАЛОФЕЕВА

Рисунок А. РЕПИНА

МАСКАРАД У ПОРОГА

Есть понятия, настолько прочно и фундаментально вошедшие в нашу жизнь, что никогда ни у кого никаких сомнений они не вызывают.

Скажем, когда человек говорит: «Я пойду домой»,— все понимают, что он идет домой. То есть садится на автобус, если он необходим, едет на такую-то улицу, входит в такой-то дом.

Все настолько очевидно, что даже странно об этом писать. Но для Леонида Григорьевича, который живет неподалеку от Москвы, в поселке Быково (Театральная, 10 А), вот уже второй год таких понятий не существует, хотя домой он приходит ежедневно.

Для того, чтобы войти в свой дом, он должен преодолеть широкий и глубокий ров, на дне которого лежат трубы, а поверх них всяческий мусор.

Зимой это делать чрезвычайно опасно, так как все вокруг покрывается коварным льдом, а забор, за который можно в принципе ухватиться, выломан бедолагами-прохожими, цепляющимися за него, как утопающие за соломинку.

Впрочем, весной, когда тает снег и весело шумит «гроза в начале мая», бывает, пожалуй, хуже, так как опасность упасть в мусор, разбившись о стальные трубы, усугубляется еще и невероятной грязью, в которую одевается ров.

В такие дни Леонид Григорьевич кладет свой костюм в чемодан и месит глину в резиновых сапогах и спецовке. По дороге, в укромном месте, переодевается — и дальше. А когда приходит время возвращаться домой, все идет таким же чередом, только наоборот. Маскарад происходит у самого порога.

И как тут привезти, скажем, кухонный шкаф? Нанять разве что бульдозер? Но как тогда к нему привязать этот хрупкий шкаф, да и преодолеет ли бульдозер ров? И где нанять храбрецов-альпинистов, которые могли бы на веревках, рискуя свалиться, перетащить шкаф в дом?

Нет таких храбрецов, и нет пока шкафа.

Да что там шкаф? Заболела у Леонида Григорьевича жена, так он ее на руках нес через этот самый ров, балансируя над трубами. Как он это сделал, Леонид Григорьевич и сам сейчас понять не может!..

А тут еще одна яма на улице появилась и вмиг заполнилась битым стеклом и нечистотами.

Так вот и живет Леонид Григорьевич, так вот и живут его соседи по улице, так вот и карабкаются по маршруту: дом — работа — дом.

Правда, что касается Леонида Григорьевича, то за него мы все же пока спокойны, ибо человек он, несмотря на свои пятьдесят семь, очень спортивный, натренированный в прыжках и лазании. Но ведь не всегда же человеку, даже с такой физической подготовкой, может так фатально везти, как везло до сих пор!

Впрочем, что же это мы?!. Тьфу! Тьфу! Тьфу!

А. ИВАНОВ.

А. Асташкин (Ленинград). Грибков захотелось...

нарочно не придумаешь

«Уважаемые жильцы! Домоуправление № 1 Львовской железной дороги предлагает Вам в трехдневный срок очистить чердаки и подвалы от противопожарного состояния».

(Из объявления).

Прислал В. Русецкий, г. Черновцы.

«Сильный холодный ветер и накрапывающий дождь не утихали. Нелегко выступать в этих условиях. Но прочь трудности! На дистанции 100 м С. Гришин и В. Дубов показывают неплохой результат для такой погоды — 11 минут 8 секунд».

Газета «Вперед», г. Обнинск.

«Справка выдана гр-ке П. в том, что действительно она родила живого мальчика женского пола.

Врач (подпись)».

Прислал И. Сорокин, Радищевский район, Ульяновской области.

«Звание чемпионки завоевал спринтер Сергей Гусев».

Газета «Молодая гвардия», г. Южно-Сахалинск.

нарочно не придумаешь

Случится же такое

ВЫСТРЕЛ НА ПРИИСКЕ

Всего считанные секунды понадобились председателю Холодненского поссовета Магаданской области П. А. Тингаеву, чтобы оценить обстановку. В следующее мгновение он сорвал с плеча двустволку и, почти не целясь, спустил курок. Грохнул выстрел. Осколки брызнули в разные стороны...

Как вы думаете, что это была за мишень, которую так решительно расстрелял председатель поссовета?.. Ни за что не догадаетесь. Была это нераспечатанная бутылка красного вина. Стояла она на бугорке, а вокруг в позах перовских «охотников на привале» расположились трое рабочих местного прииска И. А. Малыгин, А. Т. Терских и Ю. Т. Борщенко. Естественно, в предвкушении приятной процедуры распечатывания.

Когда пороховой дым рассеялся, ошарашенная троица смогла осмыслить степень постигшей их утраты: распечатывать больше было нечего. И тут в их головах зародилось нехорошее предчувствие: «А вдруг на этот счет есть какие-либо указания? А вдруг всегда теперь так будет? Только ты за бутылку, а по ней из ружья...»

В общем, через пару дней все трое опять собрались вместе. Только на этот раз уже не вокруг бутылки, а вокруг чернильницы и тетрадного листа. На нем-то они и принялись излагать в редакцию жалобу на ту моральную и материальную травму, которую нанес им своим выстрелом П. А. Тингаев. Со всеми подробностями. И о том, в каком радиусе «в момент выстрела сидели вокруг бутылки». И о том, что «все трое честно работают на прииске, на учете в милиции не состоят...». А потому «просим разобраться в поступке председателя... и принять соответствующие меры».

Спешим успокоить авторов: указаний бороться с распитием спиртных напитков с помощью огнестрельного оружия не поступало. Для этого, как известно, есть совсем другие методы. Это популярно и растолковали на заседании Сусуманского райисполкома председателю Холодненского поссовета П. А. Тингаеву.

А теперь хотелось бы спросить, в свою очередь, уважаемых граждан И. А. Малыгина, А. Т. Терских и Ю. Т. Борщенко. Как же вышло, что за всеми деталями драмы, разыгравшейся на бугорке, все трое стеснительно забыли упомянуть одно маленькое обстоятельство: сидели-то они (пользуясь их терминологией) «в радиусе вокруг бутылки» в самый разгар рабочего времени.

А уходить самовольно с работы на предмет выпивки не рекомендуется. Вот насчет этого указания есть.

Впрочем, теперь они уже и сами об этом знают, получив по выговору в приказе директора прииска.

Ю. ДОЙНИКОВ.

улыбки разных широт

Георге ГРОСУ (Румыния)

Загадка

В морозы пьет знакомый мой:
Твердит, что греется зимой.
Зачем же летом пьет, чудак!
На солнце жарко ведь и так!

Добротворец

Если он не причинил
В этот день соседям зла,
То уверен, что творил
Только добрые дела.

Ощутимая польза

— Хлещешь горькую! Позор!
Ты ослепнешь! — врач бранится.
— Вздор! От выпивки обзор
Улучшается — двоится.

Напрасный труд

— Что вы там пишете чуть свет!
— Стихи... Я, милая, поэт...
— А я б не тратила ни часа:
Ведь есть стихов готовых масса!

Перевел Ник. ЭНТЕЛИС.

Муж и жена идут по улице. Внезапно жена замечает, что навстречу идет ее подруга в новом платье.

— Жак,— говорит она мужу,— вон идет Мари. Когда она поравняется с нами, остановись и скажи ей, что у нее замечательное платье.

— Но для чего! Тебе хочется ей сделать что-то приятное!

— Наоборот. Я вчера уверяла ее, что у тебя ужасный вкус.

●

Путешественник подъезжает поздно ночью к маленькой гостинице.

— Простите,— обращается он к человеку, стоящему у подъезда,— как вы думаете, здесь можно хорошо выспаться!

— Думаю, что да. Я уже часа полтора барабаню в дверь, и никто еще не проснулся.

●

— Эдна совершенно не может ходить в зоопарк. Как только она оказывается перед клеткой с животным, она начинает так нервничать, что у нее слезы на глазах появляются.

— Почему!

— Она не может пережить, что столько красивых меховых изделий сидят в клетках без пользы!

Пал ШОМОДИ (Венгрия)

Десятая сестра

Однажды, загорая на пляже, Зевс обратил внимание на хорошенькую девушку с тоненькой фигуркой. Черты ее лица показались ему знакомыми, и он подошел к ней поближе. Девушка лежала на животе и что-то писала в блокноте. Зевс окликнул ее.

— Не мешай мне! — сказала девушка, не поднимая головы.— Ты что, не видишь, я пишу стихи!

Зевс заглянул в блокнот. Стихи были ужасающе плохи.

— И каким же размером ты пишешь? — спросил Зевс.

— Хронометром,— самоуверенно ответила девушка.— Мне кажется, стихи удались. Я их даже положила на музыку. Хочешь послушать?

Не ожидая ответа, она подняла с песка лиру и запела фальшивым, пронзительным голосом. Похоже было, что кто-то проводит ножом по стеклу. На глазах у Зевса показались слезы.

— Ты плачешь,— удовлетворенно кивнула девушка,— сразу видно, ты хорошо разбираешься в искусстве.

— Немного,— сказал Зевс, который с трудом удерживался от того, чтобы принять свое божественное обличье и наказать нахалку.— Но скажи: зачем ты призываешь в стихах Зевса? Не слишком ли много ты на себя берешь?

— Нисколько. Я дочь Зевса.

— Как же тебя зовут? — изумленно воскликнул Зевс.

— Децима.

— Никогда не слышал твоего имени.

— Даже мой собственный отец его не слышал. От него скрыли. У матери и так полно было дочерей. Девять сестер — и все музы. Я десятая, поэтому меня и назвали Децима — десятая.

— Но почему все-таки твое существование скрывают от Зевса?

— Говорят, что я позор семьи. Что будто бы я за все хватаюсь, ничего толком не умея, ни в чем как следует не разбираясь. Клевета какая! Конечно, я не умею так красиво декламировать, как Талия, не могу танцевать, как Терпсихора, но ведь вызвала я у тебя слезы своим пением? Вызвала. Хочешь, я еще спою тебе? Или лучше станцевать?

Зевс вздрогнул от ужаса, вспомнив пронзительный голос девушки, и превратился в грозного бога.

— О, отец мой! — испуганно вскрикнула девушка.

— Децима! — громоподобным голосом возгласил Зевс.— Я выношу свой приговор! Слушай меня внимательно! Я запрещаю тебе петь, танцевать или слагать стихи. Этого делать ты не умеешь и, видно, никогда не научишься. Поэтому ты будешь лишь критиковать своих сестер. Ты будешь музой критики! На, держи!— И с этими словами он протянул дочери молнию.

Перевела Е. ТУМАРКИНА.

●

Джон решил любой ценой устроиться на работу на шахту и сказал в конторе, что уже работал шахтером.

— На какой глубине вы работали! — спросили его.

— На разной. И две тысячи футов, и три тысячи...

— Скажите, к какому фонарю вы больше привыкли!

— Фонарю! А зачем мне фонарь! Я всегда работал в дневную смену.

●

Семь лет подряд Петерссон вставал каждое утро пораньше, чтобы погулять с собакой. И вот собака умерла.

Петерссон проснулся, как всегда, в шесть часов, долго лежал и вздыхал и наконец разбудил жену:

— Послушай, ты не хотела бы пойти со мной погулять!

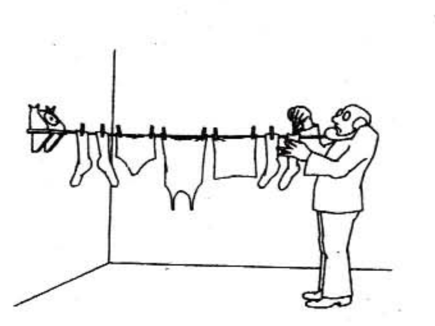

— Он сделал успехи, теперь я могу уже вынуть затычку из одного уха.

«Чилдренс ньюспейпер», Англия.

«Нью-йоркер», США.

«Рогач», Чехословакия.

«Нью-йоркер», США.

— Так кто же проиграл битву при Ватерлоо?

«Орор», Франция.

— Смотри не промахнись, а то суп остынет!

«Влаг», Франция.

— Очень способная лошадь, но любит пить...

«Се», Швеция.

— Ты уверен, что для того, чтобы делать горшки, тебе необходима модель?

«Арбайтер цайтунг», Австрия.

КРОКОДИЛ

№ 29 (2183)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Алешичев, И. Андропов (г. Уфа), М. Вайсборд, П. Воробьев, Г. Иорш, С. Кузьмин, Н. Малофеев, В. Мохов, А. Репин (г. Минск), С. Ростов (г. Балаково), А. Семенов, И. Смирнов, Ю. Степанов, В. Тильман.

НАШ АДРЕС:
101455, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 16/IX 1976 г. А 00999. Подписано к печати 24/IX 1976 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 800 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 696 950). Изд. № 2326. Заказ № 2852.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.